

Научная статья
УДК 009+94(47)
doi: 10.17223/22220836/60/18

ХРИСТИАНСКИЙ КНИЖНИК ИЛИ СКОМОРОХ? К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ АВТОРА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Михаил Николаевич Козлов

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, kmn_75@mail.ru

Аннотация. На основе анализа текста поэмы «Слово о полку Игореве», описаний похода князя Игоря Святославича 1185 г. из Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской и Новгородской первой летописей, отрывков из нескольких поучений против язычества второй половины XII в., а также надписи-граффити с упоминанием певца Бояна на стене Софийского собора в Киеве представлена оригинальная гипотеза социального положения автора «Слова о полку Игореве» в древнерусском обществе второй половины XII в. Было сделано предположение о том, что он был скоморохом-поэтом, исповедующим христианство, но при этом активно использующим в своих трудах языческие сюжеты.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», христианские книжники, скоморохи-поэты, вещий Боян, гусляр Садко

Благодарности: исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

Для цитирования: Козлов М.Н. Христианский книжник или скоморох? К вопросу о социальном статусе автора «Слова о полку Игореве» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2025. № 60. С. 183–196. doi: 10.17223/22220836/60/18

Original article

CHRISTIAN SCRIBE OR BUFFOON? TO THE QUESTION OF THE SOCIAL STATUS OF THE AUTHOR OF “THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN”

Mikhail N. Kozlov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation, kmn_75@mail.ru

Abstract. The problem of the authorship of the ancient Russian poem “The Tale of Igor’s Campaign” has been the subject of debate in the scientific community for several centuries. Despite the great interest of researchers in this topic, at present not only has the identity of the author of “The Tale” not been reliably established, but there is also no single consolidated opinion about what social group he belonged to.

In the course of the study, special methods of cognition were used (historical-analytical and problem-chronological). The materials that form the basis of the study were studied and analyzed taking into account the chronology of events, the need to obtain historical information from the studied scientific sources. When comparing various theoretical views on the analyzed problems, the method of comparative-retrospective analysis was used.

The study presents a historiographical and source study analysis of the problem. The author has consistently refuted the hypotheses that the author of The Tale of Igor's Campaign was an ancient Russian Orthodox clergyman (the scribe Timofey, hegumen Moses, etc.), one of the warriors who escaped with Prince Igor Svyatoslavich from captivity (the Polovtsian Ivlar, a certain son of the thousand-man Raguil Dobrynich, or Raguil Dobrynich himself, a certain philologist-falsifier of the second half of the 18th century. Based on the analysis of the text of the poem The Tale of Igor's Campaign, descriptions of the campaign of Prince Igor Svyatoslavich in 1185 from the Laurentian, Ipatiev, Voskresensk and Novgorod Fourth Chronicles, excerpts from several teachings against paganism of the second half of the 12th century, as well as graffiti mentioning the singer Boyan on the wall of St. Sophia Cathedral in Kyiv, an original hypothesis about the social status of the author of the poem in the Old Russian society of the second half of the 12th century.

As a result of the study, it was concluded that at present it is not possible to establish the identity of the author of "The Tale of Igor's Campaign", but it can be assumed that he was a buffoon poet who professed Christianity, but at the same time actively used pagan themes in his works.

Keywords: "The Tale of Igor's Campaign", Christian scribes, buffoons-poets, Prophetic Boyan, gusler Sadko

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the State assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University "Comprehensive historical and archaeological study of Byzantium and the Black Sea Region in the period of late Antiquity and the Middle Ages" (FEFM-2025-0002).

For citation: Kozlov, M.N. (2025) Christian scribe or buffoon? To the question of the social status of the author of "The Tale of Igor's Campaign". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 60. pp. 183–196. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/60/18

Введение

«Слово о полку Игореве» – один из основополагающих памятников древнерусской культуры. Оно оказывает огромное влияние на развитие отечественной поэзии, литературы и гуманитарной науки в России. Всестороннее исследование «Слова о полку Игореве» поможет ученым уточнить многие детали древнерусской культуры и мировоззрения наших предков второй половины XII в. Вместе с тем для того чтобы досконально изучить данный памятник древнерусской поэзии, необходимо определить по меньшей мере социальное положение его автора в тогдашнем древнерусском обществе. Выявление социальной прослойки, к которой принадлежал автор «Слова о полку Игореве», может помочь отечественным исследователям разрешить многие загадки и противоречия, которыми так богата древнерусская поэма.

Все многочисленные гипотезы о социальном статусе автора «Слова о полку Игореве» в отечественной гуманитарной науке можно условно разделить на четыре большие группы. Представители первой из них считают, что автором «Слова о полку Игореве» был один из древнерусских православных священнослужителей (книжник Тимофей, игумен Моисей и т.п.) [1. С. 76; 2. С. 360–365].

По мнению других исследователей, появлению «Слова» на свет мы обязаны одному из воинов, бежавшему с князем Игорем Святославичем из плена. В частности, выдвигаются версии о том, что это был половец Ивлар, некий сын тысяцкого Рагуила Добрынича, или сам Рагуил Добрынич [3. С. 83; 4; 5. С. 7].

Сторонники третьей теории считают, что «Слово о полку Игореве» создал некий филолог-фальсификатор во второй половине XVIII в. [6. С. 12–13].

И, наконец, по мнению четвертой группы исследователей, авторство вышеуказанного древнерусского эпоса установить на данный момент не представляется возможным. Дошедшие до нашего времени письменные источники позволяют определить лишь самые характерные черты его личности и особенности творчества [7. С. 33; 8. С. 30].

Таким образом, на данный момент в отечественной гуманитарной науке не существует единого консолидированного мнения не только о том, кто был автором «Слова о полку Игореве», но и к какой социальной группе он принадлежал. Выдвижение и обоснование гипотезы о социальном статусе автора «Слова о полку Игореве» в древнерусском обществе – основная цель данной статьи.

Результаты исследования

Под социальным статусом человека в Древней Руси автор понимает его место или положение, занимаемое им как представителям одной из социальных групп древнерусского общества, которое характеризуется набором его прав, обязанностей, религиозных взглядов и взаимоотношений с другими членами общества [9].

В процессе исследования применялись специальные методы познания (историко-аналитический и проблемно-хронологический). Материалы, которые составляют основу исследования, изучены и подвергнуты анализу с учетом хронологии событий, необходимости получения исторической информации из прорабатываемых научных источников. При сопоставлении различных теоретических взглядов по анализируемым проблемам использован метод сравнительного и ретроспективного анализа.

Основой источниковедческой базы исследования стали собственно текст «Слова о полку Игореве», описания похода князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. из Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской и Новгородской четвертой летописей, отрывки из нескольких поучений против язычества второй половины XII в., а также текст надписи-граффити с упоминанием певца Бояна на стене Софийского собора в Киеве.

Сторонники гипотезы о том, что автором «Слова о полку Игореве» был один из древнерусских православных священнослужителей, аргументируют свои выводы тем, что анонимный поэт был грамотным человеком, хорошо знающим отечественную историю, а также указывают на стилистические совпадения текста «Слова о полку Игореве» с текстом некоторых церковных трудов конца XII в. [1. С. 76; 2. С. 360–365].

При этом они игнорируют тот факт, что вышеуказанное поэтическое произведение буквально пронизано языческим духом. Древнерусские книжники второй половины XII в., отчаянно боровшиеся с пережитками восточнославянского язычества, никак не могли назвать своих соотечественников «Дажьбожими внуками». Еще Н.И. Карамзин в начале XIX в. высказывался против гипотезы о церковном происхождении «Слова о полку Игореве», поскольку, по его мнению, ни один церковнослужитель не мог упоминать в своем труде языческих богов [10. С. 215].

Кроме того, дошедшие до нашего времени берестяные грамоты свидетельствуют о том, что в XII в. в Древней Руси не существовало монополии на грамотность со стороны служителей православной церкви. Грамотные люди встречались среди воинов-дружинников, купцов, ремесленников и даже представителей крестьянства.

Нет никаких оснований считать автора «Слова» непосредственным участником похода 1185 г. Из текста поэмы мы узнаем о том, что вернуться на родину посчастливилось лишь самому Игорю Святославичу в сопровождении половца Ивлара. Едва ли кочевник мог быть большим знатоком древнерусской истории и восточнославянской мифологии. Что же касается других участников похода, то все дошедшие до нашего времени письменные источники единодушно сообщают об их незавидной доле. Лаврентьевская летопись, например, описывает судьбу воинов, принявших участие в походе следующим образом: «И побъени быша наши, гнѣвомъ Божьимъ, князи вси изымани быша, а боляре и велможа и вся дружина избита, а другая изымана и та язвена; и възвратишася съ побѣдою великою половци, а о нашихъ не бысть кто и вѣсть» [11. С. 168].

Схожие данные можно найти и в Новгородской четвертой летописи: «И поиде Игорьъ Святославичъ, съ двѣма сынома и съ братаничи, за Донъ, а не въдуще Божиа строения; и тамо побѣдиша ихъ безъ вѣсти, нѣкий гость принесе вѣсть въ Русь» [12. С. 17].

В Воскресенской летописи почти дословно дублируется текст Лаврентьевской, а также содержится рассказ о некоем таинственном торговом госте, которому половцы, якобы, поручили приехать в Русь и рассказать о несчастной судьбе воинства князя Игоря [13. С. 99].

Единственным источником, в котором сообщается о спасении небольшого количества русских воинов, является Ипатьевская летопись. Так, согласно данному источнику, «пошахуть Русь съ 15 мужъ утекши» [14. С. 132].

Таким образом, можно утверждать, что из нескольких тысяч воинов князя Игоря Святославича и его союзников спастись удалось всего нескольким людям. Теоретически среди них мог оказаться и поэт, составивший «Слово», но данная версия маловероятна.

Д.С. Лихачев обратил внимание исследователей на тот факт, что текст «Слова» перекликается с рассказом о походе в степь 1185 г. из Ипатьевской летописи, и пришел к выводу о том, что в обоих случаях авторы опирались на один и тот же источник [15. С. 125].

В таком случае один из выживших после похода 1185 г. воинов стал не автором «Слова», а основным источником информации как для написания «Слова о полку Игореве», так и составления летописного рассказа о походе князя Игоря Святославича в половецкую степь из Ипатьевской летописи.

Гипотеза И.А. Новикова о том, что автором «Слова о полку Игореве» был некий «сын тысяцкого Рагуила Добрынича» или даже сам тысяцкий, маловероятна. Судьба свиты Игоря Святославича вообще неясна. В «Слове», как и в Ипатьевской летописи, сообщается лишь о том, что некий «конюший» и «сын тысяцкого» советовали князю бежать. О том, что они бежали вместе с князем, нигде не сообщается. Участие же тысяцкого Рагуила Добрынича в данных событиях вообще невозможно. Так, согласно Новгородской первой

летописи в 1132 г., он был уже назначен новгородским вечем посадником в Ладоге: «В лето 6640 бысть встань велика въ людехъ и придоша Пльсковичи и Ладожане Новугороду; и выгониша князя Всеволода изъ города; и паки съдумавыше въспятиша и, Устьяхъ, а Мирославу даша посадыцати въ Пльсковъ, а Рагуилови въ городъ [16. С. 6].

Должность посадника крупной крепости, защищавшей Новгород с севера, могли предложить лишь опытному воину. Таким образом, Рагуилу Добрыничу в 1132 г. не могло быть меньше 20 лет. Это означает, что на момент похода Игоря Святославича в половецкую степь ему должно было быть более 70 лет! В таком возрасте в воинском походе он принять участие никак не мог.

Таким образом, никаких оснований для принятия гипотезы о том, что автором «Слова о полку Игореве» был один из участников похода князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г., на данный момент нет.

Довольно авторитетным в наше время представляется также предположение о том, что «Слово о полку Игореве» – это фальсификация, созданная в XVIII в. [6. С. 12–23].

В данном случае, по нашему мнению, необходимо учитывать результаты текстологических экспертиз поэмы «Слово о полку Игореве», которые провели ведущие отечественные литературоведы и филологи.

Так, Г.Ю. Филипповский в своих трудах, посвященных сравнительному анализу текстов «Слово о полку Игореве» со средневековыми поэтическими произведениями других народов, пришел к выводу о том, что русская поэма – это оригинальный памятник древнерусской литературы с многочисленными отсылками к мировому культурному наследию [17, 18].

Схожей точки зрения придерживается Л.В. Соколова, посвятившая ряд своих трудов исследованию структуры и композиции «Слова о полку Игореве». По мнению исследовательницы, данное поэтическое произведение – это не поздняя подделка и не компиляция, а художественное произведение XI–XIII вв., написанное одним автором и одновременно. Все составные части поэмы, по ее мнению, органичны, подчинены одному художественному заданию и занимают строго определенное место в композиции памятника [19. С. 208; 20].

Анализу языка поэмы были посвящены труды многих отечественных исследователей начиная с XIX в. и вплоть до наших дней. Все они пришли к выводу о том, что поэма была написана в Древней Руси домонгольской эпохи [21. С. 3; 22]. Подытожил исследования А.А. Железняк, по мнению которого, создать фальсификацию такого уровня как «Слово о полку Игореве» в XVIII или даже в XIX вв., было невозможно [23]. Таким образом, предположение А.А. Зимина о фальсификации «Слова» неким филологом в XVIII в. также не нашло подтверждения.

В целом можно согласиться с теми учеными, по мнению которых, автор «Слова о полку Игореве» никак не обозначил себя в своей поэме, и идентифицировать его в настоящее время не представляется возможным. Как верно заметил А.О. Амелькин, в эпоху существования новгород-северского князя Игоря Святославича существовали несколько миллионов русичей, из которых по именам мы знаем лишь единицы, и поэтому установить доподлинно автора «Слова о полку Игореве» мы никак не можем [8. С. 30].

В дошедших до нашего времени письменных источниках мы не находим никаких данных по биографии автора «Слова о полку Игореве», информации о его родственных связях и даже возрасте на момент похода князя Игоря на половцев. Гипотеза А.О. Амеликина о том, что автор «Слова» во время похода князя Игоря Святославича в степь был пожилым человеком, поскольку назвал князя Ростислава «юношей», оказалась безосновательной [8. С. 38]. Единственным князем (вернее, княжичем) по имени Ростислав в то время был Ростислав Игоревич – младший сын князя Игоря. Дата его рождения неизвестна, однако, учитывая тот факт, что его старший брат Святослав родился в 1176 г., на момент похода он был еще ребенком. Поэтому назвать его «юношей» мог любой взрослый человек.

Не находит никакого подтверждения и гипотеза советских ученых В.Г. Федорова и Б.А. Рыбакова о том, что автор хвалебной песни в честь Игоря Святославича был представителем дружинного сословия или даже боярином. По мнению данных исследователей, на это указывает отсутствие подобострастия и критика княжеских действий, широкая образованность и начитанность, прекрасное знание взаимных отношений всех княжеских домов во всех уголках Руси, тонкое знание военного дела, навыки соколиной охоты, а также привычка давать князьям мудрые советы [24. С. 151–159; 25. С. 398].

Восхваления князя-неудачника проходят красной нитью через все произведение и указывают скорее на присутствие у автора произведения подобострастия к княжеской власти, чем на его отсутствие. Никакого тонкого знания военного дела или навыков соколиной охоты в тексте также не просматривается. Фразы вроде: «Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй, которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше» или: «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю – славы», на которые обычно ссылаются исследователи, это обычные для того времени литературные клише, легко находящие аналогии в былинном эпосе.

Аргумент же Е.В. Гладышева о том, что автор «Слова» принадлежал к дружинному сословию, поскольку знает, что множество коней на водопое возмутят «реки и озера», что «потоки и болота» высохнут от перехода через них многочисленного войска [26. С. 90], вообще представляется неудачным. Ни одна река или озеро от перехода через них военных отрядов еще не высохла. В данном случае в источнике была использована обычная гипербола, которая никакой полезной информации не несет.

Все выражения, использованные автором в тексте своего произведения, в которых упоминаются якобы элементы воинского быта, – это всего лишь поэтические клише, характерные для данного рода поэм-слав. Летописец Нестор в своей «Повести временных лет», напротив, довольно детально описал быт князя Святослава во время его военных походов: «Князю Святославу възрастѣшу и възмужавшу, нача вой совокупляти многи и храбры, и легько ходя, аки пардусь, войны многи творяше. Ходя възъ по собѣ не возяше, ни котля, ни мясь варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подькладъ постили съдло в головахъ; тако же и прочий вой его вси бяху» [27. С. 31]. Однако данный факт никак не свидетельствует о том, что автор «Повести временных лет» был профессиональным военным.

Средневековые авторы обычно при написании своих произведений использовали труды своих предшественников или рассказы непосредственных участников различных исторических событий.

Можно вполне в этом отношении согласиться с М.Ю. Брайчевским, по мнению которого, поэт, сочинивший «Слово о полку Игореве», не только не был профессиональным военным, но и имел о военном деле смутные представления» [28. С. 13].

Отправной точкой при определении социального положения автора «Слова о полку Игореве» может стать тот факт, что он был замечательным поэтом, активно использующим в своих трудах языческие образы. В XI–XII вв. авторами литературных произведений помимо христианских священнослужителей могли быть лишь поэты-скоморохи, активно использующие в своих песнях языческие символы. Скоморохи представляли собой в древнерусском обществе закрытую социальную группу со своим внутренним уставом и сложной системой взаимоотношений с другими социальными группами древнерусского общества [29. С. 112–117; 30].

Интересно, что советские ученые обнаружили исторический след одного из таких поэтов-скоморохов – вешего Бояна, неоднократно упоминаемого в «Слове о полку Игореве». Так, на стене Киевского Софийского собора была найдена надпись, состоящая из 14 строк. В ней сообщается о покупке княгиней Всеволожей Бояновой земли, за которую она заплатила огромную по тем временам сумму денег – семьсот гривен. Десятая часть этих денег – семьдесят гривен – была внесена в Софийский собор как церковная десятина, что, возможно, и послужило поводом отметить на стене эту торговую сделку [31]. Княгиня Всеволожа была женой князя Всеволода Ярославича и жила во второй половине XI – начале XII в. (умерла в 1111 г.). Возможно, что примерно в это же время и жил веший Боян. Характерно, что семьсот гривен – это была огромная на то время сумма, на которую можно было купить добрый десяток деревень с крестьянами.

Вероятно, Боян был элитным поэтом того времени и выступал со своими песнями перед многими русскими князьями. На это прямо указывает отрывок из «Слова о полку Игореве»: «Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити ... пѣснь пояше старому Ярославу храброму Мстиславу, иже зарѣза Редю предъ пълкы касожьскими, красному Романови Святѣславличю. Боянь же, братие, своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣсладаше, они же сами княземъ славу рокотаху» [32. С. 2].

В эпоху правления братьев Ярославичей он не был единственным поэтом-сказителем. Так, в «Житии святого Феодосия Печерского» можно найти рассказ о том, как святой упрекал князя Святослава Ярославича за «мусийские гласы»: «во един от дней прииде к нему (князю. – *Авт.*) преподобный, и яко вииде в храм, идеже сядяше князь, се виде многих играющих пред ним: овых гуслные гласы восхваляюще испущающих, иных органные писки гласящих, иных же иные мусийские, и тако всех веселящихся, яко же обычай есть пред князем. Преподобный же, подле князя сядя, зряще; та же мало восклонися, рече к нему: будет ли сие во оный век грядущий? Князь же от слова преподобного умилился, прослезился мало и повеле абие престати играющим, и оттоле аще когда повелеваше тем игры творити и услышал бы

пришествие преподобного, то всегда повелеваше им паки тихо стати и молчати» [33. С. 68].

Восхваляющие гусельные гласы, которые пели «по обычаю» перед князем, – это, скорее всего, и были те самые хвалебные славы, о которых упоминал автор «Слова о полку Игореве». Схожую информацию можно найти в одном из списков «Слова о царях, князьях и властителях». Согласно данному источнику, относящемуся ко второй половине XII в., один из рязанских князей настолько любил песни «игрецов», что они не прекращали свои «сказы», даже когда князь спал [34. С. 227].

Поэты-гусельники были обычными гостями не только в княжеских дворцах, но и в домах обычных русичей. Показательной в этом отношении выглядит история новгородского гуслира Садко, вероятно составившего некую песнь о своих волшебных приключениях, ставшую основой нескольких новгородских былин. В одной из них сообщается, например, о том, что его профессией было играть на гуслих да петь песни на пирах: «По пирам ходил играл Садко на гуселках яровчатых играл, сказы сказывал» [35. С. 27]. О том, что он был далеко не бедным человеком, свидетельствует запись в Новгородской первой летописи под 1167 г., в которой сообщается о том, что один из христианских соборов в Новгороде был построен на его деньги: «На ту же весну заложи Съдко Сытиниць церковь камену святую мученику Бориса и Гльба, при князи Святославъ Ростиславици, при архиепископъ Илии» [16. С. 14].

На протяжении многих столетий поэты-сказочники жили при дворцах многих князей, знатных бояр и даже царей. Эти старцы пели духовные песни, стихи и рассказывали сказки. У царя Алексея Михайловича сразу несколько таких сказочников жили вблизи его личных комнат. Когда один из них (Венедикт Тимофеев) умер в 1669 г., его отпевали два патриарха, два архимандрита, десять священников, двенадцать диаконов и без счета певчих. Сам царь был на похоронах и раздавал щедро милостыню [36. С. 224–225].

Автор «Слова о полку Игореве» вполне мог быть поэтом-скоморохом, принадлежавшим к той же литературной школе, что и вещий Боян. Этим и объясняется частое упоминание Бояна в его поэме. Вероятнее всего, князь Игорь Святославич заказал ему написать хвалебную оду в честь своего неудавшегося похода, чтобы оправдаться перед родственниками убитых или стигнувшими в половецком плену воинами. В пользу данного предположения свидетельствует явное несоответствие между результатами военного похода 1185 г. в половецкую степь и чересчур восторженной его оценкой со стороны автора поэмы.

Следует отметить высокий уровень знаний в области истории и языческой мифологии автора «Слова». Как верно заметил А.Н. Ужанков, безызвестный автор «Слова» был человеком, очень информированным о многих исторических событиях в Древней Руси. Он отслеживает историю Руси как минимум от Ярослава Мудрого и его брата Мстислава до похода Всеволода Юрьевича на Дон в 1198 г., был в курсе всех конфликтов Мономашичей и Ольговичей и даже знает такие сравнительно малоизвестные вещи, как готовность Ярослава Осмомысла участвовать в одном из крестовых походов [2. С. 42, 149, 264].

По нашему мнению, также следует обратить внимание на тот факт, что автор «Слова о полку Игореве» был большим знатоком восточнославянской языческой мифологии. Языческие сюжеты, используемые им в «Слове», хорошо согласовываются с текстом многих древнерусских письменных и фольклорных источников, материалами археологических и этнографических исследований.

Так, П.Ф. Маркин справедливо указывает на явные ассоциации в тексте «Слова» смерти с жатвой, а смертельной битвы с неким сакральным пиром [37]. Языческий мотив роста как одного из символов жизни буквально пронизывает всю древнерусскую культуру. Изображение языческих символов жизни – ростков-кринов можно найти на бытовых предметах, погребальном инвентаре, стенах церковных соборов и книжных миниатюрах. Обратной стороной данных представлений был мотив смерти как жатвы, просматривающийся во многих народных обрядах и обычаях вплоть до начала XX в.

Сакральный пир-тризна был ключевым элементом восточнославянской погребальной обрядности. Прослеживаются также в тексте «Слова» сюжеты смерти как свадьбы или движения солнца в некую страну мертвых на западе мира, находящие многочисленные аналогии в текстах фольклорных источников и материалах этнографических исследований. Данные мифологические образы хорошо согласуются также с древнерусской погребальной обрядностью, предусматривающей трупоположение головой на запад – в сторону захода солнца.

Характерно, что анонимный автор поэмы упоминает имена тех богов, которых особенно активно клеймят в своих поучениях против язычества христианские книжники той эпохи – Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса. Так, следующим образом порицаются языческие обряды и культы, процветающие среди недавно окрещенных христиан в древнерусском глоссе к «Слову святого Иоанна Златоуста об идолах» – источнике второй половины XII в.: «Человѣци, забывшее страха Божия небрежениемъ крещение отвѣргошеся и приступиша къ идоломъ. Вѣрують въ Стрибога, Дажьбога, ставятъ трапезу Волосу скотью богу. А друзии Хорсу жруть и куры режутъ» [38. С. 89].

В отечественной гуманитарной науке нет единой точки зрения о том, каких религиозных взглядов придерживался автор «Слова о полку Игореве». Так, по мнению Д.С. Лихачева и В.В. Василича, он был христианином, а языческие образы использовал как литературные символы [39. С. 111; 40. С. 293].

А.Ф. Замалеев и А.А. Уткин, напротив, считают поэта, составившего «Слово», язычником [41. С. 133–134; 42. С. 34–39].

Промежуточной гипотезы придерживаются Б.П. Сапунов и Б.М. Гаспаров, по мнению которых, религиозные взгляды автора «Слова о полку Игореве» – это яркий пример древнерусского двоеверия [43; 44. С. 321–322].

Использование языческой символики в «Слове о полку Игореве» на первый взгляд указывает на то, что его автор был язычником. Вместе с тем в том же «Слове» упоминаются храмы Пресвятой Богородицы в Полоцке и Киеве, а половцы называются «бесами». Особенно примечательна в этом отношении концовка произведения: «Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти! Слава Игорю Святъславличю, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганяя плѣки!

Княземъ слава а дружинѣ!» [32. С. 37]. Как мы видим, автор в данном отрывке явно противопоставляет русских людей – христиан (в том числе и себя самого) язычникам – половцам!

Вполне возможно согласиться в этом отношении с Б.П. Сапуновым и Б.М. Гаспаровым, по мнению которых, безымянный поэт, искренне считавший себя христианином, как и многие его соотечественники, продолжал следовать некоторым языческим традициям.

В таких неоднозначных религиозных взглядах поэта, сочинившего самый известный эпос древнерусской эпохи, не было ничего удивительного. В XI–XII вв. язычеством были пронизаны многие аспекты древнерусской культуры. Языческие охранительные символы изображались на стенах христианских соборов, книжных листах, окнах и крышах домов. Жители Древней Руси называли друг друга языческими именами и отмечали языческие праздники. Не случайно христианские книжники с горечью констатировали, что наши предки в то время «Словѣмъ нарицающеся тѣмъо крестьяни, а поганьскы живоуще» [38. С. 94].

Вероятно, считали себя христианами и поэты-сказители. Так, вещий Боян, будучи язычником, не смог бы не только заверить сделку в стенах Софиевского собора, но даже зайти в него. Христианином был и Садко-гуслир. Не случайно он активно принял участие в строительстве христианского храма. Однако это не мешало поэтам использовать в своих песнях языческие символы. Двоеверная позиция автора «Слова о полку Игореве» хорошо вписывается в общую картину культурной жизни Древней Руси того времени.

Заключение

Таким образом, можно предположить, что автор «Слова о полку Игореве» был поэтом-скomoroxом, хорошо осведомленным о многих событиях отечественной истории и большим знатоком языческой мифологии. При этом он был христианином и противопоставлял себя половцам-язычникам.

Список источников

1. Головин Н.Г. Примечания на «Слово о полку Игореве». М. : Типография Селивановского, 1846. 105 с.
2. Ужанков А.Н. Слово о полку Игореве и его автор. М. : Согласие, 2020. 450 с.
3. Руделев В.Г. Православно-христианские образы в «Слове о полку Игореве» // Вестник ТГУ. 2004. № 4. С. 76–86.
4. Новиков И.А. Сын тысяцкого: Повесть об авторе «Слова о полку Игореве» // Новый мир. 1938. № 5. С. 113–140.
5. Федоров В.Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла? М. : Молодая гвардия, 1956. 175 с.
6. Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 513 с.
7. Поляков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его автор: по следам одной публикации // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2019. № 4 (71). С. 32–38.
8. Амелин А.О. Об авторе «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. 1992. № 5. С. 30–50.
9. Козловская Е.Н. К вопросу о проблеме актуальности смыслового содержания термина «социальный статус» в Древней Руси X–XIII вв. // Европа в средние века и новое время: общество. Власть. Культура : материалы VI Всерос. с междунар. участием науч. конференции молодых ученых. Ижевск : Изд-во Ижевского ин-та компьютерных исследований, 2019. С. 116–122.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб. : Типография Греча И, 1817. Т. 3. 288 с.

11. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 472 с.
12. ПСРЛ. Т. 4: Новгородские и псковские летописи СПб.: Типография Праца, 1848. 380 с.
13. ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Типография Праца, 1856. 362 с.
14. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 938 с.
15. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Наука, 1978. 351 с.
16. ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 576 с.
17. Филипповский Г.Ю. «Слово о полку Игореве» и «Витязь в барсовой шкуре»: аспекты сравнительной поэтики // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3, ч. 3 (сентябрь). С. 125–126.
18. Филипповский Г.Ю. «Слово о полку Игореве» и «Беовульф»: аспекты литературной типологии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53) (сентябрь). С. 140–141.
19. Соколова Л.В. Композиция «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. 2004. Т. 55. С. 184–210.
20. Соколова Л.В. Почему Лихачев Д.С. не сомневался в подлинности «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. 2003. Т. 54. С. 23–36.
21. Водовозов Н.В. Предисловие к книге «Слово о полку Игореве сына Святослава внука Ольгова» // Слово о полку Игореве сына Святослава внука Ольгова. М.: Худ. лит., 1954. 52 с.
22. Лихачев Д.С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // Слово о полку Игореве – памятник XII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 5–78.
23. Железняк А.А. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004. 352 с.
24. Федоров В.Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла? М.: Молодая гвардия, 1956. 175 с.
25. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 517 с.
26. Гладышев Е.В. Проблематика изучения авторства «Слова о полку Игореве» // Вестник Донского национального университета. Вып. 13, т. 2: Социально-гуманитарные науки (Исторические науки и политология). 2021. Ч. 1. С. 89–93.
27. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 239 с.
28. Брайчевский М.Ю. Черниговский княжеский дом и автор «Слова о полку Игореве» // Проблемы археологии Южной Руси: материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев: Наукова думка, 1990. С. 10–15.
29. Козлов М.Н. Служители языческого культа в религиозной и политической жизни восточных славян (IX–XI вв.). М.: ИФРА-М, 2020. 172 с.
30. Козлов М.Н. К вопросу о социальном статусе скоморохов в древнерусском обществе домонгольской эпохи // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 1 (65). С. 10–18.
31. Высоцкий С.А. Надпись о Бояновой земле в Софии Киевской // История СССР. 1964. № 3. С. 112–117.
32. Слово о полку Игореве / под ред. Н.В. Водовозова. М.: Худ. лит., 1954. 52 с.
33. Києво-Печерський патерик / під ред. Д.І. Абрамовича. Київ: Час, 1991. 230 с.
34. Покровский Ф.И. Словеса из святых книг собранные. Четыре сборных поучения с русскими вставками // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.: Изд-во Императорской академии наук, 1907. Т. 12, кн. 1. С. 227–232.
35. Новгородские былины / под ред. Э.В. Померанцевой. М.: Наука, 1978. 234 с.
36. Максимов Е. Бродячая Русь. СПб.: Общественная польза, 1877. 466 с.
37. Маркин П.Ф. Языческий текст «Слова о полку Игореве» // Культура и текст. 2001. № 6. С. 52–64.
38. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб.: Типография Стасюлевича, 1914. 386 с.
39. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк. М., 1982. 152 с.
40. Василик В.В. «Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь событий (размышления над книгой А.Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве и его автор» // Русин. 2021. № 66. С. 283–306.
41. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л.: Наука, 1987. 248 с.

42. Уткин А.А. Магия и религия в «Слове о полку Игореве». СПб. : Алетея, 2022. 164 с.
43. Сапунов Б.В. Ярославна и древнерусское язычество // Слово о полку Игореве – памятник XII века : сб. статей. М. ; Л. : Наука, 1962. С. 321–329.
44. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М. : Аграф, 2000. 608 с.

References

1. Golovin, N.G. (1846) *Primechaniya na "Slovo o polku Igoreve"* [Notes on "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow: Tipografiya Selivanovskogo.
2. Uzhankov, A.N. (2020) *Slovo o polku Igoreve i ego avtor* ["The Tale of Igor's Campaign" and Its Author]. Moscow: Soglasie.
3. Rudelev, V.G. (2004) Pravoslavno-khristianskie obrazy v "Slove o polku Igoreve" [Orthodox-Christian Images in "The Tale of Igor's Campaign"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 4. pp. 76–86.
4. Novikov, I.A. (1938) Syn tysyatskogo: Povest' ob avtore "Slova o polku Igoreve" ["The Son of the Tysyatsky: A Tale about the Author of "The Tale of Igor's Campaign"]. *Novyy mir*. 5. pp. 113–140.
5. Fedorov, V.G. (1956) *Kto byl avtorom "Slova o polku Igoreve" i gde raspolozhena reka Kayala?* [Who Was the Author of "The Tale of Igor's Campaign" and Where Is the Kayala River Located?]. Moscow: Molodaya gvardiya.
6. Zimin, A.A. (2006) *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
7. Polyakov, A.N. (2019) "Slovo o polku Igoreve" i ego avtor: po sledam odnoy publikatsii ["The Tale of Igor's Campaign" and Its Author: On the Trail of One Publication]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy*. 4(71). pp. 32–38.
8. Amelkin, A.O. (1992) Ob avtore "Slova o polku Igoreve" [On the Author of "The Tale of Igor's Campaign"]. *Germenevika drevnerusskoy literatury*. 5. pp. 30–50.
9. Kozlovskaya, E.N. (2019) K voprosu o probleme aktual'nosti smyslovogo soderzhaniya termina 'sotsial'nyy status' v Drevney Rusi X–XIII vv. [On the Question of the Relevance of the Semantic Content of the Term 'Social Status' in Ancient Rus' in the 10th–13th Centuries]. In: *Evropa v srednie veka i novoe vremya: Obshchestvo. Vlast'. Kul'tura* [Europe in the Middle Ages and Modern Times: Society. Power. Culture]. Izhevsk: Izhevsk Institute of Computer Studies. pp. 116–122.
10. Karamzin, N.M. (1817) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya Grecha I.
11. Complete Collection of Russian Chronicles. (1962) *Lavrent'evskaya i Suzdal'skaya letopisi po Akademicheskomu spisku* [The Laurentian and Suzdal Chronicles According to the Academic Copy]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
12. Complete Collection of Russian Chronicles. (1848). *Novgorodskie i pskovskie letopisi* [Novgorod and Pskov Chronicles]. Vol. 4. St. Petersburg: Tipografiya Pratsa.
13. Complete Collection of Russian Chronicles. (1856) *Letopis' po Voskresenskomu spisku* [Chronicle According to the Voskresensky Copy]. Vol. 7. St. Petersburg: Tipografiya Pratsa.
14. Complete Collection of Russian Chronicles. (1962) *Ipat'evskaya letopis'* [The Hypatian Codex]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
15. Likhachev, D.S. (1978) "Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni ["The Tale of Igor's Campaign" and the Culture of Its Time]. Leningrad: Nauka.
16. Complete Collection of Russian Chronicles. (1950) *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [First Novgorod Chronicle of the Older and Later Editions]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
17. Filippovskiy, G.Yu. (2015) "Slovo o polku Igoreve" i "Vityaz' v barsovoy shkure": aspekty sravnitel'noy poetiki ["The Tale of Igor's Campaign" and "The Knight in the Panther's Skin": Aspects of Comparative Poetics]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 3. Pt. 3. pp. 125–126.
18. Filippovskiy, G.Yu. (2013) "Slovo o polku Igoreve" i "Beovulf": aspekty literaturnoy tipologii ["The Tale of Igor's Campaign" and "Beowulf": Aspects of Literary Typology]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 3(53). pp. 140–141.
19. Sokolova, L.V. (2004) Kompozitsiya "Slova o polku Igorevom" [Composition of "The Tale of Igor's Campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 55. pp. 184–210.
20. Sokolova, L.V. (2003) Pochemu Likhachev D.S. ne somnevalsya v podlinnosti "Slova o polku Igoreve" [Why D.S. Likhachev Did Not Doubt the Authenticity of "The Tale of Igor's Campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 54. pp. 23–36.

21. Vodovozov, N.V. (1954) Predislovie k knige "Slovo o polku Igoreve syna Svyatoslava vnuka Ol'gova" [Preface to the Book "The Tale of Igor's Campaign, Son of Svyatoslav, Grandson of Oleg"]. In: *Slovo o polku Igoreve syna Svyatoslava vnuka Ol'gova* [The Tale of Igor's Campaign, Son of Svyatoslav, Grandson of Oleg]. Moscow: Khud. lit.
22. Likhachev, D.S. (1962) Izuchenie "Slova o polku Igoreve" i vopros o ego podlinnosti [The Study of "The Tale of Igor's Campaign" and the Question of Its Authenticity"]. In: Likhachev, D.S. (ed.) "Slovo o polku Igoreve" – pamyatnik XII veka ["The Tale of Igor's Campaign" – a 12th Century Monument]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 5–78.
23. Zheleznyak, A.A. (2004) "Slovo o polku Igoreve". *Vzglyad lingvista* ["The Tale of Igor's Campaign". A Linguist's View]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Fedorov, V.G. (1956) *Kto byl avtorom "Slova o polku Igoreve" i gde raspolozhena reka Kayala?* [Who Was the Author of "The Tale of Igor's Campaign" and Where Is the Kayala River Located?]. Moscow: Molodaya gvardiya.
25. Rybakov, B.A. (1972) *Russkie letopistsy i avtor "Slova o polku Igoreve"* [Russian Chroniclers and the Author of "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow: Nauka.
26. Gladyshev, E.V. (2021) Problematika izucheniya avtorstva "Slova o polku Igoreve" [Problems in Studying the Authorship of "The Tale of Igor's Campaign"]. *Vestnik Donskogo natsional'nogo universiteta*. 13(2). Part 1. pp. 89–93.
27. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1950) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
28. Braychevskiy, M.Yu. (1990) Chernigovskiy knyazheskiy dom i avtor "Slova o polku Igoreve" [The Chernigov Princely House and the Author of "The Tale of Igor's Campaign"]. In: *Problemy arkheologii Yuzhnoy Rusi* [Problems of the Archaeology of Southern Rus']. Kyiv: Naukova dumka. pp. 10–15.
29. Kozlov, M.N. (2020) *Sluzhiteli yazycheskogo kul'ta v religioznoy i politicheskoy zhizni vostochnykh slavyan (IX–XI vv.)* [Servants of the Pagan Cult in the Religious and Political Life of the Eastern Slavs (9th–11th Centuries)]. Moscow: IFRA-M.
30. Kozlov, M.N. (2023) K voprosu o sotsial'nom statuse skomorokhov v drevnerusskom obshchestve domongol'skoy epokhi [On the Social Status of Skomorokhs in Old Russian Society of the Pre-Mongol Era]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(65). pp. 10–18.
31. Vysotskiy, S.A. (1964) Nadpis' o Boyanovoy zemle v Sofii Kievskoy [The Inscription about Boyan's Land in St. Sophia Cathedral in Kyiv]. *Istoriya SSSR*. 3. pp. 112–117.
32. Vodovozov, N.V. (ed.) (1954) *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. Moscow: Khud. lit.
33. Abramovich, D.I. (ed.) (1991) *Kyievo-Pechers'kyy paterik* [Kyivan Cave Patericon]. Kyiv: Chas.
34. Pokrovskiy, F.I. (1907) Slovesa iz svyatykh knig sobrannye. Chetyre sbornyykh poucheniya s russkimi vstavkami [Words Gathered from Holy Books. Four Collected Homilies with Russian Insertions]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk*. 12(1). pp. 227–232.
35. Pomerantseva, E.V. (ed.) (1978) *Novgorodskie byliny* [Novgorod Bylinas]. Moscow: Nauka.
36. Maksimov, E. (1877) *Brodychaya Rus'* [Wandering Rus']. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
37. Markov, P.F. (2001) Yazycheskii tekst "Slova o polku Igoreve" [The Pagan Text of "The Tale of Igor's Campaign"]. *Kul'tura i tekst*. 6. pp. 52–64.
38. Anichkov, E.V. (1914) *Yazychestvo i Drevnyaya Rus'* [Paganism and Ancient Rus']. St. Petersburg: Tipografiya Stasyulevicha.
39. Likhachev, D.S. (1982) "Slovo o polku Igoreve": Istoriko-literaturnyy ocherk ["The Tale of Igor's Campaign": A Historical-Literary Essay]. Moscow: [s.n.].
40. Vasilik, V.V. (2021) "The Lay of the Warfare Waged by Igor" and its Author: Epiphanic Connection of Events (Reflections on A.N. Uzhankov's Book). *Rusin*. 66. pp. 283–306. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/66/15
41. Zamaleev, A.F. (1987) *Filosofskaya mysl' v srednevekovoy Rusi (XI–XVI vv.)* [Philosophical Thought in Medieval Rus' (11th–16th Centuries)]. Leningrad: Nauka.
42. Utkin, A.A. (2022) *Magiya i religiya v "Slove o polku Igoreve"* [Magic and Religion in "The Tale of Igor's Campaign"]. St. Petersburg: Aletyya.
43. Sapunov, B.V. (1962) Yaroslavna i drevnerusskoe yazychestvo [Yaroslavna and Old Russian Paganism]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovo o polku Igoreve – pamyatnik XII veka* ["The Tale of Igor's Campaign" – a 12th Century Monument]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 321–329.

44. Gasparov, B.M. (2000) *Poetika "Slova o polku Igoreve"* [Poetics of "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow: Agraf.

Сведения об авторе:

Козлов М.Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия). E-mail: kmn_75@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kozlov M.N. – Department of General History and World Culture, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: kmn_75@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.01.2024;
одобрена после рецензирования 22.08.2025; принята к публикации 22.10.2025.
The article was submitted 27.01.2024;
approved after reviewing 22.08.2025; accepted for publication 22.10.2025.*